

Перспективное знакомство

Суматошная Машка позвонила, как всегда, в последний момент:

— Ленка, хочешь пойти со мной на Новый русский бал? Дали пригласительный на двоих, ну, думали, я пойду с мужиком. А где я им возьму мужика? На целую ночь и чтобы он провел ее в смокинге и галстук-ке с бабочкой, разглядывая теток, танцующих вальс. Смешные люди! Короче, бал через три часа, главное требование — платье в пол. Ну то есть до пола. Пойдешь? Только решай быстро!

Вообще-то я всегда решаю быстро. Не было еще случая, чтобы я куда-то не пошла, если меня зовет Машка. Ей вообще мало кто может отказать — она воплощенная буря и натиск. В пиар-отделе крупной газеты, где она работает, уверены, что, если к Машке присоединить динамо-машину, она может освещать пол-Москвы. Или взорвать — в зависимости от настроения. При этом сама Машка всю жизнь недоумевает, почему не может найти мужчину своей мечты — чтобы хотел ее защищать, жалеть и баловать. Вы видели когда-нибудь мужика, который хотел бы защищать и баловать ядерную боеголовку? Но сказать об этом самой Машке ни у кого не повернется язык.

Словом, на тусовки, куда Машка регулярно получает положенные ей по должности пригласительные, она таскает меня.

А я — всегда готова! Во-первых, я люблю саму Машку — мы дружим с детского сада, и даже в свои четыре года она твердо знала, что солнце, родители, воспитательницы и подружки должны вращаться вокруг нее. А во-вторых, жизнь врача — даже самой элитной поликлиники Москвы — скучна и однообразна. Ну и что, что к нам ходят известные актрисы, политики из ТВ-ящика, пузеющие олигархи, их молоденькие жены и совсем уже юные любовницы. Говорят-то они все одно и то же: «Доктор, посмотрите, у меня вот здесь что-то чешется» (я работаю аллергологом). Но иногда хочется посмотреть на что-то из жизни богатых, кроме их прыщей. Бывали, конечно, в рукаве у Машки тусовки и повеселее — например, в яхт-клубе. Но дареному пригласительному...

— Ура! Ты меня не бросишь! Двум Золушкам на балу как-то веселее! — завопила экзальтированная Машка. — А платье я тебе дам! Они там от нашей неземной красоты сами в тыквы превращаются!

— Машка, тыкв нам и в мирной жизни хватает. Давай лучше осмотримся на предмет принцев! — предложила я.

— А чего я тебя туда тяну? Там у богачей — гнездо! Правда, они все приходят посмотреть на зеленых дебианток. Но на что там смотреть? На подростковые прыщи вместо титок в бюстгальтере? А тут мы — в самом расцвете зрелой красоты!

Я забыла сказать — мне 35 лет, выгляжу на 28. Машка — моя ровесница и убьет всякого, кто даст ей больше 25. Но этими достижениями можно гордиться, если у вас уже есть муж. А если вы все еще в поиске — пожалуйста в разряд «ваганьковских», то есть тех, кому пора к кладбищу продвигаться. К кладбищу женских надежд.

Мы с Машкой считали, что нам туда рано. И если эти идиоты (я имею в виду симпатичных, интеллигент-

ных, остроумных мужчин) в упор не видят своего счастья, то это их проблемы. Как врач говорю.

Через три часа мы при полном параде выгружались из приехавшей от «убера» ободранной «Шкоды» рядом со входом в Манеж. Вокруг ползали, паркуясь, громоздкие черные жуки — «мерсы», «Майбахи», «Лексусы» и прочие аксессуары из набора «жизнь удалась». Из них, как из машины времени, выпархивали мужчины в смокингах, дамы в бальных платьях и украшениях стоимостью с хорошую квартиру.

Машку у входа уже ждали — пиарщикам приготовили отдельный стол недалеко от сцены. Мы пробирались сквозь смешанную толпу — в ней были толстые громогласные тетки с выпирающими из декольте телесами и утонувшими в складках ожерельями, небесные длинноногие создания в сопровождении седых нервных мужчин, худые дамы без возраста с идеальными лицами, на которых измученность проступала даже сквозь чудеса пластической хирургии. Весь этот бомонд был в меру разбавлен знаменитостями — то мелькнет известный телеведущий, который ушел от старой жены (она была моложе его всего на 30 лет), чтобы жениться на новой — моложе уже на 40. То горделиво прошагает рядом мускулистый актер из тех, кого пресса с восторгом называет секс-символом, в то время как все в тусовке знают, что по причине пьянки секс для него давно превратился в ненужный символ. То в сторону туалета глубокомысленно прошествует певица и ведущая ток-шоу, похожая на продавщицу из продуктового ларька — как говорят, без понюшки кокса она никогда на сцену не выходит, а в последнее время перешла на кое-что посильнее... Машка периодически вываливала на меня новости этой тусовочной жизни, и я уже стала думать, что лучше бы мне их не знать. Ни на одного кумира юности без слез не взглянешь! Пока я с тоской провожала взглядом одного из таких куми-

ров, который, как оказалось, давно любит только мальчиков, меня вдруг кто-то окликнул:

— Ленка! Привет!

Я обернулась и увидела Сережку Фисенко — бывшего однокурсника. Сережка, прежде тоненький розовощекий херувимчик, как-то резко раздался в плечах и посолиднел, так что, если бы не этот окрик, я могла бы его и не признать.

— Ой, Серега! Рада тебя видеть!

— И я. Отлично выглядишь! Молодец!

— Ты тоже отлично! Заматерел! Сразу видно — начальник! Взгляд такой стальной!

— Да? — с надеждой спросил Серега. Он всегда легко покупался на мои подколки. На самом деле — и это порадовало — его младенчески голубые глаза смотрели на меня все так же беспомощно-влюбленно. Мы не виделись лет семь, с тех пор как Сережка женился. О, как мучила я его всю студенческую юность! Что может быть приятнее, чем втыкать словесные булавки в такую вот розовощекую податливо-влюбленную мякоть! Собственно, он и нужен был мне на роль ухажера-тюфяка: я тогда втрескалась в его заносчивого приятеля, а мужики — существа стадные, им всегда интересно, чего это их друг нашел в той дурехе? Словом, к Сереге я относилась потребительски и с глубоким чувством юмора. Мне и в голову не приходило, что это могло его хоть как-то задевать — казалось, смешной парень-пупс и нервную систему имеет кукольную. Но все было серьезнее. Увидев меня целующейся со своим другом, Серега все понял и тихо отчалил. Мы еще какое-то время перезванивались, потом и звонки сошли на нет. А вот с Сашкой — своим другом — он больше не разговаривал. Никогда.

Уже позже от общих знакомых я узнала, что он женился и резко пошел в гору. Его тесть оказался какой-то шишкой в Министерстве здравоохранения, что-то

там распределял и распределил как надо: у Сережки появилась сначала одна своя клиника, потом две. Дальше связь с приятелями оборвалась, и о Сережке я уже ничего не слышала. Сам он не звонил, хотя телефоны я не меняла. Ну и я не объявлялась — неудобно как-то вроде когда он был бедный и неуспешный, я над ним смеялась, а как преуспел — так здравствуй, вот и я!

Словом, случайной встрече я была рада. Да и он, судя по виду, тоже.

— Пойдем к нам за столик! — сказал Серега, приобнимая меня за призывно оголенные плечи.

— Ты с женой?

— Нет, она на такие мероприятия не ходит! — как-то похолодел он голосом. — А ты с мужем?

— С каким мужем? Я свободна как ветер.

— Как же Сашка?

— Мы расстались сразу после выпуска. Он уехал на стажировку в Лондон и исчез, — просто сказала я.

— Ленка, ты куда пропала! — схватила меня Машка за руку. — Я уже думала, ты познакомилась с каким-нибудь нефтяным магнатом и слиняла с бала без меня!

Тут она увидела Серегу, и ее лицо немедленно застыло — так застывает кобра перед смертельным броском. Каждого мужчину, который даже случайно оказывался в зоне досягаемости, Машка рассматривала как свою добычу. В этот момент подруга превращалась для нее в конкурента-хищника.

— Какой интересный мужчина, — сладко протянула Машка, стрельнув глазами по недавно отработанной бабушкиной методе — в сторону, на свой нос, в глаза собеседнику. — Это вы тот принц, которого мы ищем?

— Вряд ли, — сказал Серега. И обратился ко мне: — Ну что, пойдем?

Машка поджала губы — она искренне не понимала тех, кто не падал замертво, сраженный ее красотой.

— Машуль, это мой однокурсник, я с ним поболтаю, а потом приду за наш столик! — сказала я.

— Конечно, конечно! Однокурсник — это очень трогательно. Совместные препарирования, первый поход в морг... Вам есть что вспомнить. Ну что ж, поищу пока интересную компанию! — и Машка смерчем понеслась по залу.

— У нас компания и вправду скучновата, — улыбнулся Серега. — Правда, один магнат там все-таки будет! И это, увы, не я!

Он ловко провел меня, как по полосе препятствий, между стаяк болтающих дам, опасно размахивающих полными бокалами рядом с моим — то есть Машкиным — платьем. И подвел к столику у сцены прямо напротив того, где располагались подружкины коллеги — прожженные журналистки, единственные в этом зале пришедшие в брюках.

Как только я оглядела столик Сергея, я сразу поняла, что у меня вечер удался. А у него — нет. Перед уже подразоренной тарелкой с канапе сидела слегка подвыпившая дама из тех бальзаковских бизнесвумен, что каждую субботу с подружками едут оттягиваться в дорогие клубы с мужским стриптизом. И трое мужчин. Один — одетый в черный итальянский костюм солидный грузин с горящим взглядом из-под кустистых бровей. Второй — светловолосый красавец-атлет за сорок, в нем как-то сразу угадывалось славное спортивное прошлое. И маленький крепенький мужичок с быстрыми глазами цвета яркого бутылочного стекла и заодно сверкающей лысиной.

При виде его я мысленно вздохнула. Это был мой контингент. Веселые коротконогие пузаны делали на меня стойку с той же неизменностью, с какой коты реагируют на валерьянку.

— Познакомьтесь, это Лена, моя однокурсница! — сказал Сергей, придвигая мне стул. Дама, слегка кив-

нув, смерила меня кинжальным взглядом — я тут была ей явно не нужна. А мужики заинтересованно уставились в мое декольте.

— Не ври, Серега! — первым по закону жанра начал атаку немолодой, но задорный грузин. — Какая однокурсница! Э! Да ты ей в отцы годишься!

— Он годится в отцы русской демократии! — тут же встрял лысый крепыш. — А Леночке мы сейчас плеснем коньячку и выпитаем, кем они друг другу приходятся.

— А коньяк какой? Если «Хеннесси», то к пыткам готова! — сказала я. И мужики облегченно рассмеялись — общий язык был найден.

Через полчаса диспозиция выглядела так: дама, делая независимое лицо, накачивалась коньяком в полном одиночестве — мужики даже забывали ей подливать. Спортсмен Саша в разговоре участвовал вяло — зато тяжелым бычьим взглядом провожал каждую дебютантку, пропархивающую мимо нашего столика. А мы с Гошей (грузин), Леонидом (крепыш) и Серегой азартно трындели обо всем на свете. Вернее, грузин иногда встревал с фразой: «По этому случаю есть такой анекдот!», Серега, никогда не отличавшийся красноречием, безуспешно пытался перевести общую беседу в нашу индивидуальную под девизом «Помнишь ли ты?», а трындели мы с Леной, намертво сцепившись языками. Бывает иногда такое редкое родство — не душ, а именно языков, когда люди шутят на одной волне. Я, как человек дела, ценила эту словесную совместимость больше всего. В отличие от Машки, которая всегда меня стыдила: «Запомни, мужик, который много и хорошо говорит, как правило, ничего не может в постели! У него все уходит в гудок!»

Но если мне братья по юмору иногда встречались, то этот мини-олигарх (так мне его представили) пришел в полное обалдение от того, что симпатичная женщи-

на не только внятно разговаривает, но и ехидно шутит. И впал в недоверчивый восторг — как если бы увидел, что его стал срезать островами говорящий попугайчик. Не выдержав накала нашего трепы, грузин и спортсмен наконец тихо слиняли.

— Лена, ты была в Париже? — заливался впадавший в экстаз Леонид. — Нет, не говори, что была! Если ты была там без меня, значит, ты не видела Париж! Татьяна! — вспомнил он о даме. — Скажи, что я самый лучший гид по Парижу! Помнишь, как я провел вас по местам, где жили три мушкетера? А кто показывал вам битву лебедей и карпов в Версальском парке? А кто провел вас ночью по кладбищу Пер-Лашез?

— Да, ты просто гениальный гид! — с кривоватой улыбкой процедила Татьяна. — Мы с твоей Лялей всегда удивляемся — откуда ты все это знаешь? Помнишь, Лялька тогда еще каблук на булыжниках в Латинском квартале сломала. И ты ей тут же купил туфли за 1000 евро!

— Ну да, да! — с досадой, присущей всем женатым мужикам, отмахнулся Леонид от явно лишней сейчас Ляльки и ее туфель. — Нет, ты расскажи, как мы пели на лестнице у Сакре-Кер! Мне даже деньги стали бросать!

— Да, Сонька тогда тебя ругала. Сонька — это его любовница. Чудная молоденькая девочка! — Она с удовольствием подчеркнула слово «молоденькая». Но Леню не привело в себя и это.

— Все, Ленка, ты должна полететь с нами в Париж! Мы когда собирались, Татьяна? Послезавтра? Лен, ты можешь послезавтра?

— Нет, послезавтра я лечу в Монако. Там у короля что-то из носа все время течет.

— Монако? Слушай, так это здорово! Танька, чего мы поспремся в этот Париж? Полетели в Монте-Карло! Я покажу Ленке, как правильно в рулетку играть!

— То есть как проиграть 50 тысяч евро за один вечер? — поинтересовался Серега, радуясь тому, как легко купился Лена.

— Да ладно, мало ли что бывает! Ты тоже проигрался, помнишь? И кто тебя оторвал от одноруких бандитов? Кто тебя спас?

— Ты, благодетель, ты.

— Короче, Лена, держись нашей компании! У меня самолет — пожалуйста, полетели, куда скажешь. Мы часто так на пару дней отскакиваем! Пробежимся по культурным местам...

— То есть по ресторанам, казино и улицам красных фонарей?

— Зачем ты так! Деньги нас, конечно, зверят и скотинят, но ничто человеческое, так сказать, не чуждо. И по театрам в свое время ходили, и с лекций на выставки сбегали. Мы, кстати, с тобой коллеги!

— Как коллеги?

— А так. Я ведь по образованию — врач. Когда-то занимался пластической хирургией. Был широко известен в узких кругах. Вон Серегу спроси, кто у меня в очередь на операции стоял? Народные артистки по месяцу ждали! Потом открыл сеть клиник, начал поставлять для них препараты, ушел в лекарственный бизнес. В общем, проданся золотому тельцу.

— А сейчас оперируешь?

— Ленечку не хотят отпускать его старые клиенты! Фамилии назвать не могу, но... Он изумительно умеет растягивать старческую шагреновую кожу! — ответил за него Сергей. И быстро добавил: — Ты домой не собираешься? Мне пора. Могу подвезти!

Только тут, как часто бывает у нас, закадычных подруг, оказавшихся в центре мужского внимания, я вспомнила о Машке. И стала искать ее взглядом.

В Манеже уже ничто не напоминало о каком-то там дворянском бале — все по доброй российской тради-

ции превратилось в обычную шумную пьянку. С накрахмаленных дебютанток сошел трепетный лоск, и часть из них угодливо хихикала над шутками потных и красных от выпивки спонсоров. Известный парижский художник, перебрав русской водки и переоценив значение икры как закуски, в беспамятстве раскручивал в танце несчастную даму, которая болталась в его руках, как праща. Все разнузданно извивались под попсу, забыв про вальсы и галопы. Машка выплясывала с каким-то жердеобразным австрияком, и что-то мне не понравилось в неточности ее движений.

Пора было уходить.

— Нет, я сам отвезу Леночку! — вдруг сказал Леонид.

— Не стоит. Мне нужно еще подругу забрать! — сказала я.

— Надо — заберем и подругу! Хочешь — я вас по Москве покатаю, нет — развезу по домам.

В это время у Сереги зазвонил мобильный.

— Да, выезжаю. Сказал же — еду! Нет, не выпил! Скоро! — Он сразу нажал отбой, и я поняла, что и в этом счастливом браке есть свои трещинки.

— Что, труба зовет? — спросил Леня.

— Не все смогли свою трубу вовремя в Ниццу сплавить! — парировал Серега. — Ну, ты едешь?

Я еще раз взглянула на лихо отплясывающую Машку. Насколько я ее знала, увозить с бала подругу придется силой.

— Езжай, Серега, тебе все равно пора, пока ты нас развезешь... Мы уж как-нибудь сами! — сказала я. И по изменившемуся лицу Сереги поняла, что самые худшие его ожидания подтвердились. Я оказалась алчной сукой, которая в очередной раз предпочла ему другого — на этот раз более богатого.

— Что ж, счастливо повеселиться! — сказал он и зашагал к выходу.

— Серега, ты хоть телефон оставь! Давай встретимся! — закричала я ему вслед.

Но Серега ушел, даже не дрогнув спиной.

Леонид смотрел на происходящее с веселым ожиданием. Мне было жаль говорить ему, что и его ожидания не оправдаются.

Ехать домой с Леонидом в мои планы не входило. Я стала объяснять ему, что нам с Машкой гораздо удобнее будет взять такси.

— Не думаю, — сказал он. — Посмотри на свою подругу!

Машка была нехороша. Когда я подошла к их танцующей паре, она уже безвольно висела на несчастном австрияке и, бессмысленно смеясь, шекотала его усы.

— Я не хочу домой! — заявила она при моем приближении. — И не трогай Франца — он мой!

Франц умоляюще заглядывал мне в глаза.

Тут Леонид проявил себя настоящим мужчиной.

— Маша, я не могу уйти с бала, не потанцевав с вами! — сказал он. Австрияк с невыразимым облегчением сгрузил ему плохо стоящую на ногах Машку, и Леня в странном полутанце-полувыносе раненого бойца из боя стал продвигаться к выходу. Я рылась в сумке, отыскивая наши номерки. А Машка, на мгновение приходя в сознание — или, наоборот, выходя из него, выбрасывала руку и театрально кричала: «Люди! Живите рекой!» Она недавно продвигала какой-то патриотический спектакль о возвращении к истокам.

Через пять минут мы уже грузились в роскошную «Ауди» к неудовольствию водителя Лени — он ожидал от нашей пьяной компании всяких неприятностей. И не ошибся.

Машку начало тошнить напротив памятника Пушкину. Мы с ней устроились на заднем сиденье, а Леонид сел впереди и, обернувшись к нам, затума-